12+

Юлия Дальняя

RAMM

Я подарю тебе душу!

Юлия Дальняя
RAMM. Я подарю тебе душу!

https://litres.ru/74817648
ISBN 9785007158848

Аннотация

В глухой деревне староверов суеверные жители объявили проклятым принесённое из леса дитя с необычным родимым пятном, обрекая девочку на ненависть и смерть. Когда приёмный отец безжалостно объявляет на неё охоту, люди совершают роковую ошибку, не подозревая, что за спиной «беззащитной» сироты стоит древняя сущность. Теперь первобытное зло, ставшее для девочки щитом, готово обрушить свою ярость на деревню. Так кто же страшнее: фанатики, готовые растерзать ребёнка, или тьма, вставшая на его защиту?

Содержание

RAMM. я подарю тебе душу! 5
— Моя будет 12
Конец ознакомительного фрагмента. 23

RAMM
Я подарю тебе душу!

Юлия Дальняя

© Юлия Дальняя, 2026

ISBN 978-5-0071-5884-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

RAMM. я подарю тебе душу!

В те далёкие времена, когда христианство только набирало силу, пытаясь подчинить себе древний мир, далеко в Сибири, за непроходимыми топями и вековыми кедрачами, жила своей тайной жизнью деревня староверов под названием «Лесная».

Пятьдесят крепких домов, вросших в землю у самой кромки бора. Семьи жили обособленно, подчиняясь строгим духовным законам. Двери не запирали: слово старшего было крепче засова. Пахло дымом из печей, хлебом, дёгтем и сушёными травами. На улицах пусто — жизнь кипела внутри дворов. Чужой сюда не доходил: терялся в тайге, пропадал в топях, возвращался обратно.

В красном углу каждого дома стояли потемневшие дораскольные иконы в серебряных окладах. Носили домотканое: мужчины — подпоясанные косоворотки, женщины — длинные сарафаны и платки, подвязанные особым узлом. Чая не пили, только травяные отвары. Жили по часам, отмеренным солнцем и молитвой. Двуперстное крестное знамение, земные поклоны, лестовка в руках, строгое разделение посуды — на свою и мирскую. Крещение — только через полное трёхкратное погружение в воду.

Так жили здесь год за годом, век за веком. Так жили бы и дальше — тихо, замкнуто, по завету прадедов, которые сами не знали, откуда пришли эти заветы. Может быть, от Бога. Может быть, от леса.

Именно здесь, на стыке старой веры, новой религии и вечной магии природы, и произошла эта удивительная и таинственная история. Но сначала — о том, как лес позвал одного человека.

Игнат вышел из дома до первого света. Не потому, что не спалось, — потому что лес звал. Тихо. Настойчиво. Как зовёт кровь, когда чует беду.

Лесничий был широкоплеч, с жилистыми руками и обветренным лицом, изрезанным глубокими морщинами. Глаза — серо-стального цвета. Как у всех, густая борода до самой груди, вьющиеся тёмно-русые волосы, перехваченные ремешком на лбу. Суконная куртка, сапоги, пояс с медной пряжкой, на котором висели охотничий нож и старинное огниво.

От природы Игнат был молчалив, говорил редко, но ёмко. Голос низкий, с хрипотцой и северным оканьем. Воспитан в строгих традициях: берёт от леса то, что необходимо для

жизни, и карает тех, кто оскверняет тайгу.

Он шёл знакомой тропой, но сегодня она была другой. Не той, что вчера. Не той, что год назад. Сегодня она вела. Не он выбирал дорогу — она выбирала его.

Свет падал косыми, пыльными лучами, пробиваясь сквозь кроны исполинских кедров. В вышине горел прощальный, пронзительно-жёлтый пожар берёз и осин.

Воздух сделался густым и хрустальным. Пахло сыростью, прелой листвой и чем-то ещё — тяжёлым, сладковатым. Как будто под мхом гнило что-то большое. Что-то, что ещё дышало.

Сапоги Игната тонули в толстом ковре из опавших иголок и мха. Кое-где из-под рыжего настила папоротников проглядывали россыпи брусники. Тёмно-бордовые, налитые ледяным соком ягоды выглядели как капли застывшей крови на изумрудном мху. Игнат наступил на одну. Она лопнула без звука. Сок остался на подошве — липкий, тёплый.

Время от времени со свистом пролетала запоздалая рябчиная стайка, заставляя Игната на секунду замереть. Сверху доносилось глухое потрескивание, где-то далеко передавался стук дятла, а под ногами с хлопком лопнула ветка.

Тайга уводила лесничего всё глубже и глубже, в свои лабиринты.

Он двигался привычно. Корзина тяжелела: на дне лежали боровики, сверху краснела брусника.

Игнат погрузился в свои мысли — и вдруг понял, что тишина вокруг не та, что бывает в лесу. Не живая. Не дышащая. Мёртвая. Как будто лес затаился. Как будто все звери ушли. Как будто сам воздух стал камнем.

Он сжал рукоять ножа. Не потому, что почувствовал спиной. Затылком. Нутром. Что-то смотрело.

Не из дерева. Не из кустов. Не с неба. А изнутри самого леса. Из-под корней. Из-под мха. Из той самой ягоды, которую он раздавил.

Воздух стал густым и тяжёлым. Игнат понял, что оказался в месте, где никогда не был.

И где-то далеко — или близко, уже не разобрать — раздался тонкий, прерывистый писк.

Преодолевая страх, он пошёл на звук. Сквозь густой ма-

линник и поваленные стволы, продравшись через ветки, лесничий застыл на месте. Сердце ударило в горло, пальцы сами сжались на рукояти ножа.

На сырой земле, едва прикрытый рваным холстом, лежал крошечный младенец. От роду ему было дня два, три. Малыш издавал свои последние звуки. Губки ребёнка уже посинели от поступающего лесного холода.

Игната прошиб ледяной пот. Это казалось и чудом, и проклятием. Не было даже намёка на присутствие кого-то: ни следов, ни примятой травы. Словно неведомые силы подбросили дитя.

Игнат почувствовал страх, который разбежался по всему телу. Страх за жизнь. И теперь не только за свою.

Не теряя ни секунды, он снял с себя куртку и бережно укутал в неё малыша, крепко прижав его к себе, пытаясь отдать ему всё тепло. Каждый шаг давался с трудом. Мысли путались: куда идти? Ребёнок не выдержит ещё одну ночь.

Лесничий шёл почти вслепую, неся ребёнка. Холод прорезался сквозь одежду. И почти отчаявшись, вдруг сквозь чёрные ветки блеснули огоньки.

Тяжело дыша, он занёс девочку в храм. Несмотря на позднее время, люди собрались на совет. Игнат аккуратно положил младенца на деревянный стол. Женщины подошли к ребёнку, быстро нагрели воды, сняли промёрзшую лесную одежду, чтобы согреть и обмыть дитя. Но едва вода коснулась кожи, отмыв всю грязь, раздался шёпот. Испуганные бабы замерли, переглядываясь.

На правом бедре отчётливо темнело большое, причудливое родимое пятно. Оно напоминало переплетённые ветки столетней ели.

Это стало неоспоримым знамением. Девочка была отмечена. Лес не просто так вывел Игната к ней.

В церкви находилась вся община. Староверы жили по древним, нерушимым законам. И судьбу подкидыша должны были решить сообща.

Сквозь ледяную тишину раздалось:

— Метка на ней! Тайга чужих не щадит, а её ни гнус, ни зверь не тронул!

— Беду она принесёт, всех нас к сырой земле приведёт!

— Окстись, Афанасий! — нельзя ребёнка на лютую смерть, обратно в чащу выбрасывать. Грех на нас падёт!

Мужчины спорили, хватаясь за бороды, а их жёны испуганно перешёптывались, отступая от купели. Никто не решался сделать шаг вперёд. Каждому было жутко брать в свой дом ребёнка.

Тут из толпы вышла Агата. В их семье было трое сыновей-погодков, но она всегда мечтала о дочери. Подойдя к купели, она осторожно взяла малышку на руки и прижала к себе.

— Что ты делаешь, дура?! Назад верни! — зашипели на неё со всех сторон.

Собственный муж, побелев от страха, схватил её за локоть:

— Агата, одумайся! Не неси её в наш дом. Она проклята!

Подняв голову, Агата посмотрела мужу прямо в глаза. Взгляд её был твёрдый, а голос тихий, но стальной:

— Моя будет

Прохор сжал её запястье до хруста:

— Руки убери от девки! Позор на всю деревню накликать вздумала?

— Пусти, больно! — Агата рванулась, но ребёнка не выпустила, заслоняя его плечом. — Какое проклятие? Это дитя невинное! Душа живая!

— Живая?! — закричала из толпы старая Анисья, тыча в сторону ребёнка скрюченным пальцем. — На ней клеймо! Брось её, Агата, не гневи Бога!

— Заткнись, Анисья, — сказала Агата тихо. И гул голосов стих, будто кто-то закрыл окно. — Христа ради, ребёнка судите? Посмотрите на неё — она дышит, она плачет!

— Агата, по-хорошему положи ребёнка! — Прохор тряхнул её за руку так, что младенец закричал. — Нам этот выродок в доме не нужен!

— Не смей называть её выродком! — она с силой вырвала руку и сделала шаг назад, готовая драться. — Ты трус, Про-

хор. Все вы трусы! На пятно испугались смотреть! Да в вас самих черноты больше, чем в этом пятне! Хочешь уходить — уходи. А девочка останется со мной.

Староста Савелий молча наблюдал за руганью. Наконец он сделал шаг вперёд. Община замерла. Савелий посмотрел тяжёлым взглядом на плачущего младенца, затем на Агату.

— Тихо, — оборвал он. — Хочешь взять девку, Агата? Бери. Но помни: всё зло, что в деревню придёт, отныне на твоей совести будет.

Он повернулся к Прохору:

— А ты, Прохор. Коли хочешь спасти душу, пока дитя растёт, Агата будет каждый день стоять на коленях в притворе и по триста земных поклонов бить — за очищение общины от её скверны. Не выдержит — всю семью в тайгу вышлем.

Прохор упал на пол и закрыл лицо руками — от отчаяния и страха.

Агата подошла, подняла мужа, укутала девочку в свой платок и направилась к выходу. Тяжёлые дубовые двери захлопнулись за их спинами с глухим, гробовым стуком, отре-

зав яростный гул голосов общины.

На деревню опустилась глухая, непроглядная ночь.

Дорога к избе превратилась в сплошное месиво из грязи. Прохор шёл, втянув голову в плечи и судорожно хватаясь за ворот куртки. Его колотила крупная, нервная дрожь. В голове стучали финальные слова: «Не выдержит — всю семью в тайгу вышлем».

Прохор не понимал, как это случилось. Как он — уважаемый в общине мужик, чьи слова всегда имели вес, — позволил бабьему упрямству взять верх? Страх, липкий и холодный, змеёй вползал под кожу. Ему казалось, что из-за тёмных заборов соседних домов на них смотрят враждебные глаза.

Агата шла рядом. Она ступала на удивление легко, будто под ногами была не раскисшая аллея, а ровный ковёр. На её лице не было ни тени страха. Наоборот, бледные губы тронула едва заметная, умиротворённая улыбка. Полы её платка надёжно укрывали младенца от ледяного осеннего ветра. Прижав свёрток к груди, Агата чувствовала сквозь плотную ткань слабое, но ровное дыхание маленького тела. Девочка не плакала, не возилась — она лежала тихо, словно заворожённая ритмом шагов своей новой матери.

Для Агаты весь остальной мир — со старостой, проклятиями и испуганным мужем — перестал существовать. У неё наконец-то появилась дочь.

У крыльца Прохор на мгновение замер. Рука его, тянувшаяся к деревянному засову, заметно задрожала. Наконец он толкнул дверь, и они вошли в тёплую избу.

Внутри пахло печным дымом и сушёными травами. Огня не зажигали — изба освещалась лишь тусклым багровым отсветом догорающих в печи углей. На лавке у стола, вытянувшись струнами, их ждали трое сыновей. Мальчишки не спали, несмотря на поздний час.

Старший, Савва, резко поднялся, за ним испуганно повскакивали младшие. Савва посмотрел на бледного Прохора и на свёрток в руках матери.

— Мужики у моленной говорили… правда ли? Правда, что лесничий дитя из тайги принёс? Сказывают, проклятая она!

Младший брат испуганно прижался к плечу среднего, боясь даже вздохнуть, пока тяжёлая, зловещая тишина избы ждала ответа.

Агата молча прошла и положила девочку. Сыновья обступили её и начали разглядывать. Прохор сидел возле печки, отвернувшись.

Старший сын не выдержал и снова спросил:

— Мама, если она проклятая, что будет с нами?

Агата строго посмотрела на сыновей и мужа.

— Если бы её не нашёл Игнат, лесные звери и холод погубили бы её. То, что она выжила, — это чудо, а не скверна. — Она объяснила, что люди кричали от страха и невежества. Родимое пятно — это не метка. Тем более на ножке его можно скрыть. Оно не мешает быть человеку добрым и чистым.

Прохор не выдержал:

— Вот только не нужно детям врать! Грех это, Агата! Ты расти её, но я дочерью это отродье никогда не назову. И если нас сошлют в лес из-за тебя — я сам лично затяну тебе и ей петлю! Поняла?!

Крикнул так, что младший заплакал от испуга. Агата прижала детей к себе.

— Дети, не слушайте его. С этого момента она ваша сестра. Защищайте её.

Мальчишки снова посмотрели на девочку, но ничего не ответили.

— Всем спать, — сказал Прохор.

Ночь стояла тихая, спокойная. Слышно было только, как посапывали дети и храпел Прохор.

Утро встретило Агату привычными заботами. Она поднялась затемно, стараясь не скрипеть половицами. Затопила печь, поставила печься хлеб, подмела пол. Девочка проснулась и зашевелилась. Агата согрела молока и начала кормить её, вглядываясь в безмятежное личико. На долю секунды ей показалось, что все вчерашние события — всего лишь дурной сон.

Встал Прохор. Он молча поел, собрался и ушёл на работу. Тяжело шагал по деревенской улице. Как он и ожидал, появление его не осталось незамеченным. Мужики, стоявшие у крайнего двора, тут же зашушукались. Макар, прищурившись, крикнул на всю улицу:

— Глядите-ка, живой! А мы-то думали, поминать тебя по-

ра! Решили, сгубила-таки тебя девка!

Прохор даже не повернулся. Лишь нахмурился сильнее, желваки заходили на лице, а пальцы сжались в кулаки. Он прекрасно понимал, что спину ему ещё долго будут буравить. Но внутри от этих слов закипала не обида, а глухая, упрямая злоба.

Прошло время. Агата всё так же растила девочку, а языки в деревне не замолкали ни на миг.

В один из вечеров Прохор не вошёл, а влетел домой, с грохотом распахнув двери. Жена, возившаяся у печи, от неожиданности выронила тряпку. Вглядевшись в его потемневшее, дикое лицо, она испуганно отшатнулась:

— Прохор… Господи! Да что стряслось-то?!

— Замолкни, баба! — рявкнул он, шагнув к ней так, что она сжалась. — Всё! Хватит! С сегодняшнего дня всё будет по-моему. Полностью всё меняется. Поняла?! И больше чтобы ни единого вопроса не смела задать!

Прохор тяжело дышал, обводя избу бешеным взглядом. Гнев, который долго копился, наконец прорвался наружу.

— Да вы понимаете, что сегодня на работе было?! — рявкнул он, грохнув кулаком по столу так, что зазвенели чашки. — Мужики в открытую пальцами тычут! Издеваются, зубы скалят, за спиной шепчутся, будто я проклятый какой! Жить нам в деревне не дадут!

В этот момент в избу вошли дети. На старшем была разорвана рубаха, а младший размазывал по щеке грязные слёзы вперемешку с пылью, прижимаясь к среднему.

— Отец прав, — глухо сказал Савва. — Нас сегодня на улице обступили местные пацаны, проходу не давали, дразнились, камнями кидались. Все от нас как от чумы шарахаются. Говорят, из-за неё мы тоже проклятые.

Прохор резко повернулся к жене, нависая над ней:

— Слышала? Из-за этого отродья вся семья страдает! Хватит, отвоевалась. Избавимся от девки — отдадим, унесём обратно в лес, но в моём доме её не будет!

Агата, до этого молчавшая, вдруг распрямилась. В её глазах, обычно кротких и послушных, вспыхнул такой упрямый, яростный огонь, какого Прохор никогда не видел. Она поправила платок и шагнула вперёд, заслоняя собой угол, где лежала маленькая гостья.

— Не отдам, — тихо, но твёрдо отрезала она. — А если ты её выставишь, Прохор… то и я уйду. Вместе с ней уйду. Навсегда.

— Что-о-о?! — опешил муж, не веря своим ушам. — Ты с ума сошла, баба? Из-за чужой меня и сыновей готова бросить?

— Сыновья уже большие, — с надрывом, но уверенно ответила Агата. — Они мужики, могут позаботиться о себе. А она? Она же кроха совсем! Маленькая, беззащитная… Пропадёт она без меня, сгинет. Не побоюсь я тебя оставить, слышишь? Не побоюсь!

Прохора окончательно переклинило от такой дерзости.

— Ах так?! Ну и катись на все четыре стороны! — бешено закричал он, указывая на дверь. — Иди! Держись за неё, раз семья не нужна!

Агата не стала спорить. Молча, сжав губы, она принялась поспешно собирать в узел свои немногие вещи. Руки её дрожали, но от своего решения она не отступила ни на шаг.

Прохор стоял посреди избы, тяжело дыша, наблюдая за

ней со злой ухмылкой, уверенный, что она одумается. Но жена завязала узел, подошла к порогу и опустилась на лавку, чтобы обуться.

Когда она наклонилась и потянула подол, Прохор замер. На грубой ткани её чулок явственно проступали тёмные, влажные, багровые пятна.

— Это ещё что такое? — нахмурился он, и злость сменилась тревогой. — Откуда кровь, Агата?

Жена подняла на него усталый, пустой взгляд. Ничего не говоря, она медленно задрала юбку и опустила чулки.

Прохор невольно отшатнулся: кожа на обеих коленях была стёрта почти до кости, превратившись в сплошное, сочащееся кровью месиво.

— Агата… — хрипло, едва слышно выдавил он.

Она не заплакала. Посмотрела на него спокойно, но твёрдо.

— Триста земных поклонов, Проша. На голых досках в притворе, на коленях. Деревня, говоришь, нас гнобит? Избавиться от младенца просишь, чтобы перед людьми стыдно

не было? Так я эту кроху на своих коленях перед Богом выкупаю, пока ты от людских глаз прячешься и думаешь о себе.

Слова Агаты как ледяная вода окатили Прохора. Он больше не спорил. Мужчина бережно, стараясь ни единым движением не потревожить израненные ноги жены, помог ей добраться до постели.

Агата тихо положила младенца рядом с собой. Сев на край, глядя на них двоих, Прохор чувствовал, как внутри него бушует пожар. Внешне он обмяк, но в глубине его души, под нахлынувшей жалостью к жене, заворочалась лютая, чёрная ненависть к ребёнку. Он смотрел на девочку и видел в ней корень всех бед. Из-за неё Агата стёрла свои колени в кровь. Он ненавидел этого ребёнка всем сердцем, но потерять жену боялся сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.